

Примечания

1. Гольмстен В. В. Археологические памятники Самарской губернии / В. В. Гольмстен // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. – 1928. – Т. IV.
2. Журавлев К. И. Отчет заведующего Пугачевским музеем местного края К. И. Журавлева об археологических разведках и раскопках, произведенных в Пугачевском уезде Самарской губ. за 1923 год // Научный архив Пугачевского музея краеведения. – Пугачев, 1923. – Инв. № 30.
3. Из жизни Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном) / Под ред. С. А. Скорого. – К., 2006.
4. Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / О. А. Кривцова-Гракова // Материалы исследований по археологии. – 1955. – № 46.
5. Малов Н. М. Литейные формы с нижеволжских поселений срубной культурно-исторической области / Н. М. Малов // Поволжский край. – 2005. – Вып. 12.
6. Отрощенко В. В. О. І. Тереножкін як дослідник бронзової доби в степовій Україні: тез. докл. научн. конф. «Ранній залізний вік Євразії» (травень 2007) / Від. ред. С. А. Скорий. – К., 2007.
7. Пеньков П. И. Отчет о раскопках курганов, произведенных в Зап. окрестности гор. Пугачева в 1921 г. / П. И. Пеньков // Научный архив Пугачевского музея краеведения. – Пугачев, 1921. – Инв. №13.
8. Сергеева О. В. Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный, социологический и палеодемографический аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 «Археология» / О. В. Сергеева [Институт истории материальной культуры РАН]. – СПб, 2007.
9. Синицин И. В. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья / И. В. Синицин // Советская археология. – 1949. – Т. 11.
10. Скорий С. А. Олексій Іванович Тереножкін – видатний археолог ХХ ст. (до 100-річчя від дня народження) / С. А. Скорий // Археологія. – 2007. – № 4.
11. Сулейманова Н. И. Об Алексее Ивановиче Тереножкине. [Электронный ресурс]. Режим доступа // <http://www.pri-center.ru/?p=287/>. Доступ – 14.11.2010 г.
12. Тереножкин А. И. Дневник археологических работ в Пугачевском уезде летом 1928 года // Научный архив Пугачевского музея краеведения. – Пугачев, 1928. – Инв. №72.

УДК ББК 930:378.4(477.54)«18»

Историографические сюжеты в творчестве ученых-историков Харьковского университета первой половины XIX века

Киселёва Ю. А.

Киселёва Ю. А. Историографические сюжеты в творчестве ученых-историков Харьковского университета первой половины XIX века. В статье рассматриваются теоретические работы и курсы лекций историков Харьковского университета: В. Ф. Цыха, М. М. Лунина и А. П. Рославского-Петровского. На начальном этапе своего зарождения историографическое знание, вовлеченное в процесс институционализации исторической науки, было тесно переплетено с методологическими рефлексиями историков. Но уже в это время в историко-теоретических работах профессоров Харьковского университета сформировались представления об историографическом процессе, появилась специальная терминология, и были предприняты первые попытки периодизации развития исторической науки. Историографические сюжеты активно использовались в преподавании исторических дисциплин, что позволяет говорить о достижении историко-научными знаниями в первой половине XIX века статуса одного из элементов профессионального исторического образования.

Ключевые слова: историографическое знание, историографический процесс, историки Харьковского университета, первая половина XIX века.

Кисельова Ю. А. Історіографічні сюжети в творчості вчених істориків Харківського університету першої половини XIX століття. В статті розглядаються теоретичні праці та курси лекцій істориків Харківського університету: В. Ф. Циха, М. М. Луніна та О. П. Рославського-Петровського. На початковому етапі свого зародження історіографічне знання, залучене до процесу інституціоналізації історичної науки, було тісно переплетено з методологічними рефлексіями істориків. Але вже в цей час в історико-теоретичних роботах професорів Харківського університету з'явилися уявлення про історіографічний процес, сформувалась спеціальна термінологія та були зроблені перші спроби періодизації розвитку історичної науки. Історіографічні сюжети активно використовувались під час викладання історичних дисциплін, що дозволяє говорити про набуття історико-науковим знанням в першій половині XIX ст. статусу одного з основних елементів професійної історичної освіти.

Ключові слова: історіографічні знання, історіографічний процес, історики Харківського університету, перша половина XIX ст.

© Киселёва Ю. А.

Kiselyova Y. A. The historiographical topic in the works of historians of Kharkiv University in the first half of the nineteenth century. The theoretical works and lectures of historians of Kharkiv University: V. Tsykh, M. Lunin and O. Roslavskiy-Petrovskiy is considered in the article. The historiographical knowledge was closely intertwined with the methodological reflections of historians. But at this time these authors understood the development of historical science as historiographical process, formed special terms for its description and made the first attempts to offer a periodization of historical science. The historiographical topic was actively used during the teaching of historical subjects that allows saying that the historiographical knowledge became one of the basic elements of the professional historical education in the first half of the nineteenth century.

Key words: historical knowledge, historiographical process, historians of Kharkiv University, first half of the nineteenth century.

Одним из ключевых моментов в истории отечественной историографии является рубеж 20-40-х годов XIX века. Именно в это время в проблематику исторической науки входят историографические вопросы, которые рассматриваются как в специальных историографических работах, так и в работах теоретического характера. По мнению современных исследователей, такой всплеск активности в области историографического знания, во-первых, отражал степень зрелости самой исторической науки [5, с. 143], во-вторых, свидетельствовал о появлении возможности и необходимости качественно нового метода исторического познания – историографии [17, с. 124], и, наконец, являлся своеобразным ответом сообщества историков на современную им социально-политическую ситуацию в стране [1, с. 5].

Считается, что активный процесс постановки и рассмотрения проблем историографии в 1820–1840-е годы создавал определенные предпосылки для выделения историографии в отдельную научную дисциплину [8, с. 550], но остается открытым вопрос, приобрело ли историографическое знание в процессе теоретико-методологических дискуссий этого времени самостоятельный статус. По мнению Р. А. Киреевой, можно говорить об историографии как самостоятельной области познания тогда, когда вырабатывается представление об историографическом процессе, и главным объектом исследования становится развитие исторической науки [4, с. 14]. С этой точки зрения становится интересным не столько дать характеристику историографических взглядов историков этого времени, но и поставить вопрос о проникновении принципа историзма в представления об истории исторической науки и проанализировать функции этих представлений.

В статье рассматриваются сущность и функции историографических сюжетов трех ученых Харьковского университета: В. Ф. Цыха, М. М. Лунина и А. П. Рославского-Петровского. Все они были преподавателями кафедры всеобщей истории. Близость их теоретических представлений и концептуальных основ позволяет современным исследователям рассматривать их взгляды в рамках единого направления теоретических рефлексий в дисциплине [15, с. 53]. С другой стороны, выбор этих историков позволяет охарактеризовать темпоральные и региональные особенности развития историографических знаний в рамках одного научного центра – в данном случае Харьковского университета, и дает возможность более глубоко осмыслить роль этого периода в процессе становления историографии в качестве самостоятельной университетской дисциплины. Объектом исследования в данном случае выступают теоретические работы и курсы лекций харьковских историков. Они представлены магистерскими диссертациями В. Ф. Цыха [16] и А. П. Рославского-Петровского [12], публичной речью М. М. Лунина [7], его научной статьей «Взгляд на историографию древнейших народов Востока» [6], и вступительными лекциями к курсам истории В. Ф. Цыха [3], М. М. Лунина [2] и А. П. Рославского-Петровского [11]. Не случайным является тот факт, что к обсуждению историко-научных проблем в стенах университета, прежде всего, обращались специалисты по всемирной истории. Связь с европейской исторической мыслью, на которую в то время оказывало мощное влияние философия, ориентировала представителей этой кафедры на решение теоретических проблем исторической науки. Характерно, что их рассмотрение происходило историографическими методами [18, с. 60], и историко-научные знания занимали в теоретических концепциях авторов важное место.

Острые исследовательского интереса в рассматриваемых работах было направлено на современное авторам состояние исторической науки, главной задачей которой ученые считали необходимость освоения достижений западной исторической и философской мысли. «У нас в России едва имеются только понятия о преобразовании истории, едва только носят слухи о новом развитии науки» – так характеризовал современную ему ситуацию В. Ф. Цых [16, с. 105]. При этом ученые пытались самостоятельно осмыслить новые тенденции в науке. По мнению В. И. Шевцова, интерес к зарубежной науке, всегда сочетался с критическим восприятием отечественными исследователями теоретических выводов и принципов западноевропейской историографической мысли [18, с. 59]. Теоретические рассуждения ученых Харьковского университета о «новом развитии науки» (В. Ф. Цых), «об истинном значении истории» (М. М. Лунина), «о прагматической истории» (А. П. Рославский-

Петровский), синтезированные из арсенала идей философии истории и достижений французской романтической исторической мысли, представляли собой, по сути, авторские интерпретации новой модели исторического исследования, в основе которой лежали идея развития, переориентация исследовательского интереса с внешней на внутреннюю историю, требования познать «дух» каждой эпохи и стремление к художественному изложению.

В XIX веке развитие научных теорий, в данном случае конструирование и актуализация новой исследовательской модели, было невозможно без опоры на эмпирические данные. В то время господствовало мнение о жесткой связи эмпирики и теории в науке. Считалось, что подлинно научная теория могла быть выработана только на основе анализа эмпирического материала, который придавал ей основательность, и доказуемость [13, с. 278]. Поэтому поиск и изложение эмпирической базы теоретических рассуждений были серьезной заботой авторов историко-теоретических работ. Такой «эмпирической» основой послужили историко-научные знания, которые позволяли создать исторический фон новой теории, подчеркнуть отличие новой исследовательской модели от предшествующих практик историописания. Именно поэтому, в указанных работах, такое важное значение приобрели историографические сюжеты.

Интересно, что свои «обзоры способов обрабатывания истории в различные эпохи» ученые предваряли рассуждениями из арсенала противников научности истории. И у Цыха, и у Рославского-Петровского такие обзоры выступали для подтверждения мнения о «трудности достигнуть исторической истины» [12, с. 11], доказательством «неопределенности истории», которая по словам В. Ф. Цыха «за 25 веков своего существования, несколько раз делалась почти другой наукой не теряя своего названия» [16, с. 14]. С другой стороны, обращение к таким обзорам в теоретических работах в связи с обсуждением проблем дальнейшего развития исторической науки свидетельствовало о том, что различия в способах конструирования прошлого уже перестали ставить под сомнение саму научность истории, а воспринимались как неизбежное и, что интереснее, прогрессивное явление в процессе становления исторической науки. Основой этому служило убеждение в прогрессивности развития познавательных способностей человечества. М. М. Лунин в своих лекциях неоднократно, отмечал, что достижения человечества в области мысли не умирают вместе с их создателями, и каждое новое поколение получает их в наследство для дальнейшего усовершенствования [2, с. 7], а А. П. Рославский-Петровский высказался более конкретно: в общности современных ему исторических направлений он видел доказательство того, что «идея

усовершенствования осуществима, как и везде, и в области исторической науки» [12, с. 24].

При этом авторы делали первые попытки зафиксировать этапы в развитии истории как области знания. В. Ф. Цых, обращаясь к вопросу о зарождении истории в древности, среди традиционных для того времени рассуждений о роли логографов и Геродота высказал мысль, что со времени Геродота «историю стали рассматривать как особую отрасль познаний человеческих» [16, с. 20], а в «новейшее время ей дали почетное место в системе других наук» [16, с. 21].

Таким образом, можно говорить о том, что идея развития, применение которой указанные авторы пытались актуализировать в собственно исторических исследованиях, проникла и закрепились и в историографических представлениях ученых. Историографические экскурсы фактически давали возможность представить историческую науку как динамически развивающуюся.

Более того, для указанных авторов развитие европейской исторической науки было обусловлено именно «историчностью» европейской истории. Вместе с тем, исследователи отказывали в обладании историей азиатским народам, «застывшим» в своем развитии. По мнению В. Ф. Цыха, «история в истинном смысле этого слова никогда не была достоянием Азиатских народов» [16, с. 19]. М. М. Лунин, затронувший этот вопрос в специальной научной статье «Взгляд на историографию древнейших народов Востока», даже предпринял попытку определить причины отсутствия «образцовых памятников исторического искусства» на Востоке, видя их в особенностях создания и историческом развитии Восточных государств [6, с. 290-292].

С другой стороны, в глазах исследователей историческое знание уже приобрело и темпорально-культурологические характеристики, так как исследователи констатировали зависимость типа историописания от «духа времени». Так, М. М. Лунин в своей речи, рассматривал направления в исторической науке и отдельные произведения историков прошлого, как продукт «духа своего времени», называл их последствием «литературной моды», «ответом на запросы публики» [7, с. 7, 8]. А. П. Рославский-Петровский также отмечал, что обилие частных направлений истории обуславливаются тем, что исторические знания очень рано приобрели идеологический характер, став «отражением духа времени» [12, с. 11].

Одновременно и М. М. Лунин, и А. П. Рославский-Петровский считали, что главной целью исторического исследования является задача познать идею каждой эпохи, которая, по мнению М. М. Лунина, «воплощается в круге внешних форм жизни человечества». Рассмотрение этих форм и должно было входить в содержание «истинной и полной истории» [7, с. 15]. Но, признание того, что

«историографическое искусство» отражает общее направление времени, потенциально позволяло рассматривать и историю историописания как одну из «форм», отражающих дух эпохи, и таким образом ее изучение приобретало самостоятельное значение.

Фактически история исторической науки получала возможность стать отдельным объектом исследования. Но, тем не менее, в произведениях указанных авторов историко-научные сюжеты не приобрели самостоятельного звучания.

Попробуем найти этому объяснение, обратив внимание на особенности историографического анализа в произведениях ученых Харьковского университета. Инструментом такого анализа выступали для исследователей исторические направления, которые выделялись чаще всего, исходя из определения целей авторов этих исторических сочинений (риторическое, эклектическое [16, с. 22-23], нравственное [12, с. 15]). Другим основанием для выделения направлений были особенности исследовательской практики – критическое направление [16, с. 27; 12, с. 16], а также влияние новых идей из области других наук – например, философское направление [16, с. 29; 7, с. 7]. При этом исследователи не ставили задачу проследить преемственность между отдельными направлениями, а значит, и выяснить особенности развития исторической науки и своеобразие отдельных ее этапов. Более того, зачастую, у отдельных авторов направления, выделенные по одному и тому же признаку имели разное название, т.е. метод историографического анализа использовался исключительно при решении конкретных историографических и теоретических вопросов. Характерен пример А. П. Рославского-Петровского, который облек проблему преобладания в историческом сочинении художественного или аналитического компонента в форму борьбы двух направлений художественного и философского [12, с. 23]. Таким образом, историографические понятия являлись языком теории исторической науки того времени и во многом имели случайный (ситуативный) характер.

Другой особенностью научного творчества ученых являлось укрупнение масштабов историографического анализа. Например, В. Ф. Цых признавал, что «представления об объеме и задачах истории, сформировавшиеся еще в античности просуществовали без значительных изменений вплоть до второй половины XVIII века» [16, с. 68]. М. М. Лунин так же в своей вступительной лекции указывал, что «прагматическое направление истории, выкристаллизовавшееся в античной историографии господствовало более или менее до самых новейших времен» [2, с. 4].

Интересно, что авторы при анализе отдельных произведений историков прошлого обращали преимущественно на их недостатки, на «увлечения» приверженцев того или иного направления

[12, с. 21]. В своей публичной речи Лунин находит возможным определять направление представителя эдинбургской школы Юма как «ложное направление историографического искусства» [7, с. 8].

Таким образом, задача состояла в актуализации новой исследовательской модели, объяснения ее уникальности и поиске доказательств необходимости ее применения в исследовательской практике отечественной исторической науки. Для реализации этих планов был избран способ противопоставления новой исследовательской модели предшествующим историографическим практикам. Поэтому историографические сюжеты в теоретических работах не выдвигались авторами на первый план, а выполняли роль важного инструмента при обосновании тех или иных теоретических постулатов.

Такой подход позволял пожертвовать (для актуализации теории) представлением истории исторической науки как органического процесса. Современная авторам историческая наука противопоставлялась предыдущим этапам своего развития. Собственно, скорее можно говорить о том, что речь идет о дух этапах – прошлом и настоящем. Истоки всех основных направлений или школ нового времени ученые находили в античной историографии. Например, В. Ф. Цых предложил классификацию направлений истории и в каждом направлении отмечал его создателя в античной историографии и называл историков занимающихся обработкой истории по тем же принципам и в новое время [16, с. 22-37]. Подобные взгляды были присущи и его коллегам. Так, М. М. Лунин считал сочинения основателей новой исторической школы Макиавелли и Гвичардини «возрождением прагматической методы древних» [7, с. 4]. А. П. Рославский-Петровский же указывал, что критическое направление, данное истории Дионисием Галикарнассским после долгого промежутка «воплонилось и достигло высшего расцвета в трудах Нибура» [12, с. 16]. В отношении же истоков современного авторам романтического способа интерпретации истории им не удавалось найти аналогов в прошлом исторического знания. Ученые были убеждены в уникальности данной исследовательской парадигмы. В их глазах она венчала все прошлое развитие исторического знания, поэтому и характеризовалась в терминах «истинное понятие значения истории». Таким взглядам способствовало и господствующее в это время представление о настоящем, в котором доминирующей идеей выступала идея превосходства «современности» над прошлым как «древним», так и относительно более близким [14, с. 184]. Поэтому проблема освещения понимания и способов написания истории в прошлом не имела выхода на проблемы развития науки в будущем, а только его настоящего, уже совершившегося этапа.

Характеристика историографических сюжетов у названных ученых Харьковского университета была бы неполной без анализа их преподавательской деятельности и понимания ими методов преподавания истории. В начале 1830-х годов В. Ф. Цых заметил, что на фоне нового понимания предмета и задач истории назрела необходимость «нового общего способа преподавания истории» [16, с. 106]. Он отстаивал необходимость ознакомления студентов в ходе исторического образования с новыми исследовательскими задачами. Курс лекций профессора, прочитанный им в императорском Киевском университете*, свидетельствуют о том, что материалы диссертации ученого, в которой он с помощью историографических методов доказывал приоритет нового «понимания истории», стали теоретической основой его лекций по всемирной истории [3, с. 214-215]. А. П. Рославский-Петровский также излагал положения своей магистерской диссертации в виде вступительных лекций, которые позже в переработанном виде составили введение в его учебнике [11]. Обращение к историографическим сюжетам сопровождало и преподавание М. М. Лунина. Рассуждения об исторической судьбе науки составляли главное содержание его обширного введения в курс лекций по древней истории [2].

Профессора в ходе преподавания также старались указать на борьбу мнений, познакомить с различными точками зрения на отдельные события истории. Например, В. Ф. Цых при изложении римской истории не только знакомил слушателей с выводами Б. Нибура, но освещал дискуссию, которая родилась после издания его «Римской истории» [3, с. 189]. М. М. Лунин, по свидетельству его ученика А. П. Рославского-Петровского, также обращался к историографии не только во вступительных лекциях, но и при изложении основного содержания курса. Он сообщал студентам все основные мнения и оценки исторических событий и лиц, и даже, отдавая предпочтение одному из мнений, не скрывал и противоположных взглядов «со всей добросовестностью ученого более всего любящего истину» [10, с. 527]. Сам М. М. Лунин объяснял свой «могущий показаться странным метод преподавания» желанием достигнуть своей главной цели – заставить студентов самих размышлять об истории и привить им вкус к самостоятельному ее изучению [2, с. 13]. Он рассматривал критичность как одно из и важнейших качеств профессионального историка, призывая критически относиться и к своим идеям, считая «правовере в умственном мире самой пагубной вещью» [2, с. 14]. Таким образом, уже в 30-е годы XIX века профессорами Харьковского университета

* В. Ф. Цых был назначен профессором кафедры всеобщей истории Киевского университета в 1834 г., потому рукопись его лекций, датированная 1835-1836 гг. может, на наш взгляд, вполне дать представление и о характере его преподавания в Харьковском университете.

было инициировано преподавание исторических дисциплин научно-критическим методом. Формирование же новых подходов к пониманию задач университетского образования, по мнению Т. Н. Поповой, можно рассматривать в качестве одного из факторов «историографизации» учебного процесса [9, с. 51].

Таким образом, анализ историко-теоретических работ профессоров Харьковского университета показывает, что история исторических знаний в их трудах не стала предметом отдельного исследования. Обращение авторов к историографии происходило в процессе осмысления опыта западной исторической мысли. При этом историко-научные знания служили эмпирической базой теоретических представлений и инструментом осмысления конкретных положений теории. С другой стороны анализ указанных работ позволяет с убедительностью утверждать, что у их авторов было сформировано представление об историографическом процессе. Ими был разработан инструментарий для его исследования – введено понятие «научные направления», сделан ряд ценных замечаний – например о зависимости движения исторической науки от характера общественного развития, ставились конкретные историографические задачи (например, наблюдаются попытки назвать основоположников («виновников») нового понимания истории).

Важность практического задания (освоения новых исследовательских приемов) обусловила включенность теоретических построений ученых в их преподавательскую деятельность, в которой теоретические и историографические знания «выкристаллизовывались», постепенно становясь основополагающим элементом профессионального исторического образования.

Анализ работ ученых Харьковского университета наглядно демонстрирует, что особенностью историко-теоретических рефлексий данного времени, являлась неразрывность методологических и историографических исканий. Такое сочетание, обусловленное активным процессом институционализации самой исторической науки, с одной стороны актуализировало историографическое знание, способствовало постановке проблем из области истории науки, но с другой стороны замедляло движение историографического знания к обретению самостоятельного статуса в структуре исторической науки того времени.

Примечания

1. Афонюшкина А. В. О правительственной политике России 20-40-х годов XIX в области университетского образования / А. В. Афонюшкина // Российские университеты в XIX – начале XX века. – Воронеж, 1993.

2. *Отдел* дореволюционной литературы Новочеркасской Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина. – Ед.хр. 15442: История. 1835–1839.
3. *Институт* рукописей НБУ им. В. И. Вернадского. – Ф. I. – Оп. 1. – Ед. хр. 1061: Цых В. Ф. Курс всеобщей истории. 1836 г.
4. *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России (с середины XIX века до 1917 г.) / Р. А. Киреева. – М., 1983.
5. *Колесник И. И.* Когда зародились историографические знания в России. Пути исследования проблемы / И. И. Колесник // История СССР. – 1989. – №4.
6. *Лунин М. М.* Взгляд на историографию древнейших народов Востока / М. М. Лунин // Москвитянин. – 1842. – Ч. 4. – № 8.
7. *Лунин М. М.* О влиянии Вальтер-Скотта на новейшие изыскания по части средней истории / М. М. Лунин // Речи, произнесенные в торжественном собрании Имп. Харьковского университета, 30 августа 1836. – Х, 1836.
8. *Очерки* истории исторической науки в СССР. – Т. 2. – М., 1960.
9. *Попова Т. Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета / Т. Н. Попова – Одесса, 2007.
10. *Рославский-Петровский А.* Известия о кончине профессора Лунина / А. Рославский-Петровский // Москвитянин. – 1844. – Ч. 6. – № 11-12.
11. *Рославский-Петровский А.* Обзор истории древнего мира / А. Рославский-Петровский. – Х., 1851.
12. *Рославский-Петровский А.* Решение вопроса, в чем состоит истинное значение прагматической истории и соответствующему тому способе ее обработки / А. Рославский-Петровский. – Х., 1839.
13. *Савельева И. М.* Знание о прошлом: теория и история / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Т. 1. – СПб., 2003.
14. *Савельева И. М.* Знание о прошлом: теория и история / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Т. 2. – СПб., 2006.
15. *Стельмах С. П.* Становлення історичної науки в Україні у першій половині XIX століття / С. П. Стельмах // Наукові записки Києво-Могилянської Академії. Історичні науки. – Т. 19. – 2001.
16. *Цых В. Ф.* Решение вопроса: по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах? / В. Ф. Цых. – Х., 1833.
17. *Чернов Е. А.* Историографические воззрения Н. И. Надеждина / Е. А. Чернов // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVIII–XIX вв. – Днепропетровск, 1982.

18. *Шевцов В. И.* Оценка немецкой историографии конца XVIII – начала XIX вв. в сочинении И. Ф. Паевского / В. И. Шевцов // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. – Днепропетровск, 1978.

УДК 94: [378. 4 (477. 54): 323. 264] “1905”

В. П. Бузескул и «революционный захват» Харьковского университета в октябре 1905 г.

Сергеев И. П.

Сергеев И. П. В. П. Бузескул і «революційне захоплення» Харківського університету в жовтні 1905 р. В статті розглядається питання про участь В. П. Бузескула в діях правління Харківського університету щодо запобігання кровопролиття та завдання матеріальної шкоди університету у зв'язку з захопленням революційно налаштованими студентами комплексу будівель університету 11 та 12 жовтня 1905 р. На основі аналізу свідчень історичних джерел автор спростовує твердження, які зустрічаються в літературі, про те, що роль В. П. Бузескула в цих діях була особливо важливою і це позначилося на строках його перебування на посаді декана історико-філологічного факультету.
Ключові слова: Харківський університет, В. П. Бузескул, 1905 р., барикади.

Сергеев И. П. В. П. Бузескул и «революционный захват» Харьковского университета в октябре 1905 г. В статье рассматривается вопрос об участии В. П. Бузескула в действиях правления Харьковского университета по предотвращению кровопролития и нанесения материального ущерба университету в связи с захватом революционно настроенными студентами комплекса зданий университета 11 и 12 октября 1905 г. На основании анализа свидетельств исторических источников автор опровергает встречающиеся в литературе утверждения о том, что роль В. П. Бузескула в этих действиях была особенно важной и это отразилось на длительности его пребывания на посту декана историко-филологического факультета.
Ключевые слова: Харьковский университет, В. П. Бузескул, 1905 г., баррикады.